

М. А. Лаппо

Новосибирск, Россия

ДИСКУРС ИДЕНТИЧНОСТИ И НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ («РУССКИЙ ЕВРОПЕЕЦ» АНДРЕЙ ТАРКОВСКИЙ)

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются дискурсивные стратегии отражения национально-культурной идентичности Андрея Тарковского. Методами анализа маркеров идентичности (прямые и косвенные самообозначения, эмотивно-оценочные лексемы) на материале его автобиографического и научно-публицистического текстов описывается психологическое пространство «своего» и «чужого». Устанавливается тесная взаимосвязь профессиональной идентичности и национального самосознания в дискурсе автора.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дискурс; идентичность; самоидентификация; национальное самосознание; эмотивно-оценочная модальность; лингвокультурный типаж; «русский европеец»; Андрей Тарковский.

Сведения об авторе: Лаппо Марина Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка, Новосибирский государственный педагогический университет, Институт филологии, массовой информации и психологии.

Адрес: 630126, Новосибирск, ул. Витойская, д. 28.

E-mail: lappo2000@mail.ru.

M. A. Lappo

Novosibirsk, Russia

IDENTITY DISCOURSE AND NATIONAL IDENTITY ("A RUSSIAN EUROPEAN" ANDREI TARKOVSKY)

ABSTRACT. The article analyzes discursive strategies of national and cultural identity of Andrei Tarkovsky. Methods of analysis of identity markers (direct and indirect self-designation, emotive-evaluative lexemes) help to describe the psychological space of "their" and "foreign" on the basis of his autobiographical and scientific-journalistic texts. The study establishes a close relationship of professional identity and national identity in the discourse of the author.

KEY WORDS: discourse; identity; self-identification; national identity; emotivno-evaluative modality; a linguo-cultural type; "Russian Europeans," Andrei Tarkovsky.

About the author: Lappo Marina Aleksandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Modern Russian. Place of employment: Novosibirsk.

Концепт «русский европеец», как считает Н. Зоркая, снимает извечную альтернативу «славянофилов» и западников» [Зоркая 2003: 22]. «Русский европеизм» противопоставлен романтической – славянофильской и западнической – идеализации социального развития человечества, это тот «реалистический и исторический взгляд на судьбу России и Запада, которому была важнее живая действительность, а не утопические упования на возможность существования где-то некоего идеального мироустройства» [Кантор 2001: 5]. «Русский европеец», по определению В. К. Кантора, является не просто потребителем западных технических усовершенствований, а создателем тех ценностей, которые с необходимостью рождаются в лоне европейско-христианской культуры. Эти люди, не сакрализуя Европу, ощущают острую связь с отечеством, верят в развитие, самосовершенствование России. «Русские европейцы» обладают высоким чувством собственного достоинства и, как правило, не будучи включенными в политическую сферу, посвящают свою жизнь духовному и творческому самоопределению². А. Ю. Стогниенко под «русским европейцем» понимает человека, чье творческое наследие в равной степени признается достоянием российской и европейской культуры [Стогниенко 2013].

Учитывая представленные выше характеристики «русского европейца», попытаемся предпринять попытку описания одноименного лингвокультурного типажа. Несомненно, лингвокультурный типаж «русский европеец» так же, как и другие описанные в науке обобщенные образы личностей, оказывает определенное влияние на российскую лингвокультуру в целом и служит индикатором этнического и социального своеобразия общества (см., например, [Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи... 2005]).

Предметом данной статьи является языковая личность кинорежиссера Андрея Тарковского как характерного представителя «русских европейцев». Материалом для работы послужили его автобиографические и научно-публицистические тексты (дневник, который он назвал «Мартирологом», то есть «перечнем злоключений», и книга о теории кино «Запечатленное время»). Ценность «Мартиролога» в раскрытии данного вопроса отмечает Е. Раскатова: «...дневники Тарковского в большей степени, чем многие другие мемуары о «времени и власти», дают возможность говорить о несовместимости художника и власти», которая «в целом была настроена на уничтожение

² В. К. Кантор приводит примеры «русских европейцев»: Петр Великий, М. В. Ломоносов, Н. М. Карамзин, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. И. Лобачевский, И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, Н. Г. Чернышевский, А. П. Чехов, И. А. Бунин, П. А. Столыпин, В. И. Вернадский и др. [Кантор 2001: 15].

того, что делает культуру истинно ценной (с европейской точки зрения) – творческого (гениального) проявления индивидуальности» [Раскатова 2014: 232].

Гипотеза исследования строилась на том факте, что Андрей Тарковский как кинорежиссер был причислен к числу «русских европейцев» [Зоркая 2003; Стогниенко 2013]⁴. Собственно же языковые и коммуникативные ориентиры данного типажа, равно как и речевое поведение А. А. Тарковского до сих пор не становилось предметом лингвистического исследования.

Самоидентификация как процесс установления идентичности включает в себя особое речевое действие выражения и/или описания принадлежности к некоторой общности людей. Дискурс идентичности выстраивается сопряжением прямых самономинаций-соционимов (*русский, человек мира, художник*), косвенных обозначений (метафоры, цитаты, прецедентные имена и другие приемы) и эмотивно-оценочной модальности текста. Эмотивно-оценочная модальность, как правило, сигнализирует об актуализации ценностных установок говорящего, эксплицирует категорию «свое – чужое». Связь эмоций и ценностей отмечает Н. А. Лукьянова: «...язык является важнейшим компонентом процесса познания <...> В языковых знаках материализуются и закрепляются результаты познания объективной реальности. А познавательная деятельность человека может быть условно разделена на две части: собственно познание и оценку. Собственно познание создает субъективную модель мира самого по себе. В акте оценки осознается ценность сущего для человеческой жизнедеятельности [Василенко 1964: 13]. Чувственный уровень оценки осуществляется с помощью эмоций, которые оказываются вовлеченными в процесс познания» [Лукьянова 1986: 3–4]. Т. А. Трипольская также указывает на тесную связь, слитость эмоции и оценки, зависимость аксиологической деятельности говорящего от эмоционального состояния говорящего [Трипольская 1998]. Дело в том, что несмотря на то, что эмоции сопровождают всю вербальную деятельность человека (В. И. Шаховский и др.), их выражение не является обязательным в коммуникации, точнее говоря, в большинстве случаев выражение эмоций даже не приветствуется социумом. И если говорящий все же это делает, значит, речь идет о чем-то для него действительно важном.

Идентичность и самоидентификация, в свою очередь, базируются именно на категории ценностей: «Процесс развития идентичности продолжается всю жизнь и не является линейным. Он проходит через кризисы идентичности – периоды жизни, когда возникает конфликт между сложившейся к данному моменту структурой идентичности и требованиями личностного развития. Для выхода из кризиса человеку необходимо приложить усилия для реализации новых целей, усвоения *новых ценностей* [выделено нами. – М. Л.]» [Короленко, Дмитриева, Загоруйко 2007: 39].

Методология анализа вербальной самоидентификации была представлена в нашей работе [Лаппо 2013], здесь мы будем следовать указанным в ней установкам. В дискурсе А. А. Тарковского *прямые самономинации* – довольно редкое явление. В целом, автор избегает описания идентичности, и самономинации, как правило, включаются в аргументативный процесс и либо обозначают предельно большую группу (фрагмент 1), либо маркируют чужой взгляд на него, то есть он как бы смотрит на себя глазами других (фрагменты 2, 3, 4). Самономинация *русский* появляется на чужбине, в период острой тоски по родине (фрагмент 5):

Мы – люди, и лишены инстинкта сохранения рода, как муравьи и пчелы. Но зато нам дана бессмертная душа, в которую человечество плюнуло со злобной радостью («Мартиролог»).

Очень хочу начать новую картину. «Солярис» надоел, как в свое время «Рублев»: удел советского режиссера – снимать слишком долго («Мартиролог»).

Что касается Юсова, то я убежден, что он специально выбирал момент, когда его отказ работать со мной будет наиболее болезненным для меня. Он меня всегда тихо не любил. Он злой. У него классовая ненависть к интеллигентам («Мартиролог»).

Всего навсего! Я хочу работы, больше ничего. Работы! Разве не дико, не преступление, что режиссер, которого в прессе в Италии называли гениальным, сидит без работы? А мне, честно говоря, кажется, что это просто месья посредственности, которая пробилась к руководству. Ведь посредственность ненавидит художников, а наша власть сплошь состоит из посредственностей («Мартиролог»).

Я хотел рассказать о русской ностальгии — том особом и специфическом для нашей нации состоянии души, которое возникает у нас, русских, вдали от родины («Запечатленное время»).

Слово *советский* у Тарковского всегда используется как маркер защиты или отстранения от несправедливого отношения к нему (фрагменты 6, 7):

Тем не менее я сказал, что я так дела не оставлю и не позволю Ермашу ущемлять мои советские права («Мартиролог»).

Я несовместим с советским кино. Ведь мои фильмы не были выставлены ни на один советский к/фестиваль! («Мартиролог»).

³ Курсив наш. – М. Л.

⁴ Перечислим некоторые факты, позволяющие отнести его «русским европейцам»: хорошее знание русской и европейской культуры, в том числе кинематографии; интерес к отечественной и мировой истории, критический взгляд на развитие как современной ему России, так и Европы; тяготение к глубокому психологизму, характерной для русской литературы и новаторским приемам, открываемым в европейском кино; тоска по родине; признание его классиком мирового экрана.

В последние годы, в период эмиграции, в дискурсе А. А. Тарковского для обозначения бывших соотечественников появляется субстантиват *советские* – в форме мн. числа, что также демонстрирует дистанцированность от родины, болезненное отношение к существующим порядкам в Советском Союзе (фрагменты 8, 9):

Мне кажется, советские боятся моего будущего фильма (Аксенов – директор «Ленфильма», который был здесь в Стокгольме, интересовался у Анны Лены) («Мартиролог»).

Встречались с американским послом в Италии. Странное впечатление, что-то от советских есть в нем. Дубоват. Но любезен («Мартиролог»).

Ср. с другим явлением – использованием в период жизни и работы на родине слов *мы, наш* о Советском Союзе, чиновниках, порядках – в негативном смысле (фрагменты 10, 11):

(10) *После войны культура как то рухнула, обвалилась. Во всем мире. Вместе с духовным уровнем. У нас – очевидно, это кроме всего прочего, в результате последовательного и варварского уничтожения культуры («Мартиролог»).*

(11) *Хорошо бы было поставить «Иосифа». Только как отнесется к этому Комитет? Вряд ли у них что-нибудь выйдет. Наших не пробить. Только Бондарчуку это удалось («Мартиролог»).*

Тарковский часто подвергает критике *русское* (фрагмент 12), *российское* (фрагменты 13, 14), *советское* (фрагмент 15), в основном вся критика связана с производственными процессами в кинематографе (фрагмент 16). «Советское» критикуется наиболее жестко, точнее говоря, весь негатив, мешающий работе, маркируется *советским*:

(12) *С Солоницыным и Гринько придется поработать – русская школа. Полудилетантская («Мартиролог»).*

(13) *Очень соскучился без Ларочки – поехала в деревню хлопотать насчет материала для восстановления дома. Застряла она там из за нашей российской безалаберности. Все ей обещают помочь, но болтуны страшные. Время – что им! Трепачи («Мартиролог»).*

(14) *На студии новый директор – некто Сизов. Из Моссовета. У него права заместителя председателя Комитета по кино. В хороших руках – это достижение. В дурных – просто беда. Будет когда-нибудь порядок в России, или до тех пор, пока все не развалится, ничего не будет? Еще никогда до сих пор не было такого всеобщего, тотального неприятия порядков. Но все изолгались, исподличались, изворовались. Никакой жизни («Мартиролог»).*

(15) *Кино, конечно, находится сейчас у нас в исключительно ничтожном виде. Пользуясь тем, что деньги на него дает государство, оно же само топчет его замыслы, упивается бездарной и спекулятивной мутной жидкостью. Орденосцы и облеченные званиями, не умеющие связать двух слов, превратили наше кино в руины, на которых догорают обломки каких то конструкций. Просматривал недавно историю довоенного итальянского кино. Боже мой, как это похоже на историю советского кино! Никогда еще мы не впадали в такое ничтожество («Мартиролог»).*

(16) *На студии все ужасно. В состоянии дел на ней отражается положение вообще. Чем все это кончится? Одному Богу известно. Делами руководят идиоты («Мартиролог»).*

В. К. Кантор пишет, что «подлинный европеизм произрастает из своей культуры – но в процессе преодоления и переосмысления, одухотворения и пресуществления ее почвенных основ» [Кантор 2001: 6]. Безусловно, для А. А. Тарковского русская история, культура является незыблемым ориентиром (фрагменты 17, 18); однако проблему России он видит в том, что ее культурные традиции не развиваются (фрагмент 17):

(17) *Для меня чрезвычайно значение имеют русские культурные традиции, идущие от Достоевского, по сути, не имеющие развития во всей своей полноте в современной России. Более того, этими традициями, как правило, пренебрегают или опускают их вовсе. Тому несколько причин, и прежде всего – это принципиальная враждебность этой традиции материализму («Запечатленное время»).*

(18) *«Достоевский» [фильм о нем. – М. Л.] может стать смыслом всего, что мне хотелось бы сделать в кино («Мартиролог»).*

В следующем фрагменте негативная оценка творчества коллег по цеху демонстрирует сверхценность *русского* для Тарковского:

(19) *За эти дни многое произошло. Видел фильм Алова и Наумова «Бег». Это ужасно! Издевательство над всем русским – характером, человеком, офицером. Черт те что! («Мартиролог»).*

Некоторые контексты проявляют *амбивалентное* отношение к русским ценностям, что соотносимо с таким сложным концептом, как «русский европеец». Такое амбивалентное отношение может продемонстрировать, например, использование оксюморона «бесполезная великая глубина»:

(20) *Прочел Воннегута «Крестовый поход детей». Да. Он и пацифист, и молодец. Лихо пишет. Но где, где наша русская бессмысленная и бесполезная великая глубина?! Грустно («Мартиролог»).*

Позитивную оценку получают очень редкие современные русские авторы, например, А. И. Солженицын:

(21) *Сейчас очень шумят по поводу Солженицына. Присуждение ему Нобелевской премии всех сбilo с толку. Он хороший писатель. И прежде всего, – гражданин. Несколько озлоблен, что вполне понятно, если судить о нем как о человеке, и что труднее понять, считая его, в первую очередь, писателем. Лучшая его вещь – «Матрёнин двор». Но личность его – героическая. Благородная и стоическая. Существование его придает смысл и моей жизни тоже («Мартиролог»).*

А. А. Тарковский восхищается классической западной литературой (фрагменты 22, 23), городским пространством Европы (фрагмент 24):

(22) *Дочитал «Игру в бисер». Потрясающее впечатление («Мартиролог»).*

(23) *Читаю потрясающего Томаса Манна – «Иосиф и его братья» («Мартиролог»).*

(24) *Париж прекрасен. В нем чувствуешь себя свободно: ни ты никому не нужен, ни тебе никто. Италия не понравилась на этот раз. То ли из за компании, то ли потому, что на этот раз она показалась сладкой, открыточной (мы были в Сорренто и Неаполе). Рим же меня потряс. Это поразительный город. Если на срезе других городов заметны годовые кольца, то в нем – лишь кольца десятилетий, а может быть, даже эпох («Мартиролог»).*

Европейские стандарты в искусстве для А. Тарковского являются мерой оценки:

(25) *Был на премьере Захарова в театре «Ленкома». Бодро, весело; в общем, не на уровне европейских театров, конечно. Все это провинциально и шумно («Мартиролог»).*

В то же время в нравственном отношении у него много претензий именно к Западу:

(26) *Здесь, на Западе, люди особенно обеспокоены собственной персоной. Попробуйте им сказать, что смысл человеческого существования в жертвенности во имя другого, то они, наверное, засмеются и не поверят – также они не поверят, если сказать им, что человек рожден совсем не для счастья и что есть вещи гораздо более важные, чем личный успех и личное меркантильное преуспевание. Никто, видно, не верит, что душа бессмертна! («Запечатленное время»).*

Отмечаются контексты, выражающие его желание расширить искусственные границы (национальные, территориальные):

(27) *Странно, что когда люди собираются вместе по единственному признаку общности в производстве или по географическому принципу, – они начинают ненавидеть и притеснять друг друга. Потому что каждый любит только себя. Общность – видимость, в результате которой рано или поздно над материками встанут злоеющие смертоносные облака в виде грибов («Мартиролог»).*

Восток, в частности Япония, для А. Тарковского – символ чего-то необычайного, нового, чудесного, символ будущего⁵:

(28) *Япония, конечно, страна удивительная, ничего общего нет в ней ни с Европой, ни с Америкой. Великая страна – никто не берет на чай. Безработных нет. Токио – город замечательный. Ни одной фабричной трубы, ни одного дома, который был бы похож на другой. В смысле архитектуры Япония, конечно, страна передовая. Вежливый, воспитанный народ. В Токио вместе с Иокогамой – 22 миллиона человек. Но такой бессмысленной толчеи, как в Москве, там нет («Мартиролог»).*

Америка же для него совершенно не ориентир, она исключается из поля ценностей. Тарковский даже сочувствует американцам:

(29) *Бедные американцы – бездуховные, без корней, живущие на земле духовного богатства, которой не знают и не чувствуют цены («Мартиролог»).*

Квинтэссенцией для образа «русского европейца» Андрея Тарковского является следующий фрагмент книги «Запечатленное время»:

(30) *Пожалуй, я могу согласиться с тем, что финальный кадр «Ностальгии» отчасти метафоричен, когда я помещаю русский дом в стены итальянского собора. Этот сконструированный образ грешит налетом литературности. Это как бы смоделированное внутреннее состояние героя, его раздвоенность, не позволяющая ему жить, как прежде. Или, если угодно, напротив – его новая целостность, органически включающая в себя в едином и неделимом ощущении родного и кровного и холмы Тосканы, и русскую деревню, которые реальность повелевает разделить, вернувшись в Россию. Горчаков так и умирает в этом новом для себя мире, где естественно и органично сопрягаются вещи, раз и навсегда почему-то и кем-то поделенные в этом странном и условном земном существовании («Запечатленное время»).*

Можно обратить внимание на то, что в данном фрагменте отсутствует оценочная лексика с высоким эмоциональным зарядом (*идиоты, болтуны, потрясающий* и под.), отсутствуют резкие ноты раздражения, снисхождения или восхищения, как в приведенных выше контекстах. Сконструированный Тарковским мир, где «русский дом помещен в стены итальянского собора», органичен, целостен и естественен, поэтому не нуждается в эмоциональной оценке.

Итак, языковую личность Андрея Тарковского можно считать ярким вариантом лингвокультурного типажа «русский европеец». Дискурс Тарковского демонстрирует высокий уровень национального самосознания, которое особенно ярко проявляется в профессиональном, творческом самоопределении. На уровне вербальной самоидентификации духовное пространство автора описано следующим образом: средоточие интересов – Россия, поэтому наиболее острые негативные оценки получают его соотечественники, в развитии которых он предельно заинтересован; ближним ориентиром в развитии является русская и – особенно – европейская культура; дальний ориентир – Восток (Япония), который символизирует будущее, чудесное, почти недоступное; не ориентир – Америка в силу отсутствия у американцев духовности, знания своих корней.

⁵ Не случайно именно в Японии снимается город будущего для фильма «Солярис».

ЛИТЕРАТУРА

Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типы: сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика. Волгоград: Парадигма, 2005.

Василенко В. А. Ценность и оценка: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Киев, 1964.

Зоркая Н. Андрей Тарковский – «русский европеец» // А. А. Тарковский в контексте мирового кинематографа: материалы междунар. конф. / сост. А. Л. Нехорошев и др. М.: Всерос. гос. ин-т кинематографии им. С. А. Герасимова, 2003. С. 22–31.

Кантор В. К. Русский европеец как явление культуры (философско-исторический анализ). М.: Российская политическая энциклопедия, 2001.

Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В., Загоруйко Е. Н. Идентичность. Развитие. Перенасыщенность. Бегство. Новосибирск, 2007.

Лаппо М. А. Самоидентификация: прямое, косвенное эксплицитное и косвенное имплицитное описание идентичности говорящим субъектом // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 372. С. 28–32.

Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: Проблемы семантики. Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1986.

Раскатова Е. «Мартиролог» А. Тарковского в контексте опубликованных эгоистичников художественной интеллигенции 1970-х годов // Феномен Андрея Тарковского в интеллектуальной и художественной культуре: мат-лы науч.-теоретич. конф. / ред.-сост. Е. Цымбал. Иваново: ПресСто, 2014. С. 223–235.

Стогниенко А. Ю. Художественное пространство в рецепции Андрея Тарковского: теория и практика: автореф. дис. ... кандидата культурологии. Иваново, 2013.

Трипольская Т. А. Оценка и эмоция: параметры взаимодействия // Тенденции развития языкового и литературного образования в школе и вузе: мат-лы междунар. научно-практич. конф. СПб., 1998. С. 193–194.